

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 24. Прощание с Вытегрой

“Гагарью судьбину”, записанную Архиповым, Клюев правил в начале 1922 года. Первый полный сказ о своей жизни, частично перекликающийся со сказом, написанном ещё в 1919-м, свое “житие” Николай почёл возможным рассказать под запись и проверить после того, как отвергла его народная власть... Уже в конце 1921 года в местной прессе пошли ядовитые и колкие выпады против него, что у тех “кактусов”, которых, как он писал когда-то Есенину, “избегать... нам с тобой необходимо для здоровья как духовного, так и телесного...” Ни тогда избежать не удалось, ни, тем паче, теперь.

На один из таких выпадов пришлось ответить Коленьке Архипову. Тот свой ответ дал в “Трудовом слове” – так ныне стала называться “Звезда Вытегры”. Истребляли всякий намёк на “религиозность” – и не было никакой случайности в том, что сие переименование свершилось практически сразу после извержения Клюева из рядов ВКП(б).

А Николай Архипов писал, обращаясь к “рецензенту В. В.”:

“Считаю рецензию о концерте в Союзе молодёжи, напечатанную в № 113 газеты, жалкой и непристойной выходкой против поэта Н. А. Клюева, участие которого в наших вытегорских, в сущности, весьма скудных концертах является гордостью и украшением последних.

Нахожу излишним разбирать по существу злостные выпады против дорогого поэта, светлая личность которого достаточно известна всей образованной России”.

...Клюев ещё продолжал выступать в “весьма скудных концертах” и на творческих вечерах. На концерте в пользу голодающих Поволжья в городском театре он выступил с чтением своей не известной ныне сказки, где говорил, если судить по заметке анонимного рецензента, “что крест страданий народных можно нести только миром”...

“Крест страданий народных...” Речь тут не только о страшном голоде, поразившем Поволжье, о котором печатались леденящие кровь сообщения в каждом номере газеты. Рядом с сообщениями из восставшего и осаждённого Кронштадта, с извещением о том, как “повсеместно на конференциях

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 5, 6 за 2011 год.

и съездах крестьяне одобряют замену развёрстки продналогом” читались, словно не типографской краской, а засохшей кровью напечатанные восклицания: “На помощь крестьянству!” И рядом – “Камень вместо хлеба”, о Европе, не желающей помочь... И – далее: “Помогите! От имени крестьян деревни Ольховой Чувашской области.

Дорогие товарищи, хлеб наш уничтожен засухой, трава сожжена. Вместо хлеба едим траву, листья деревьев и огородные овощи. Придёт зима, и не будет даже зелени. От чрезмерного употребления в пищу зелени очень многие пухнут и после долгих мучений отправляются в могилу.

Не дайте умереть бедным детям! Ваша помощь не забудется веками. И мы при малейшем вашем несчастье откликнемся дружно и общими силами преодолеем бедствие”.

Через месяц в газете – извещение о роспуске комитета помощи голодающим при ВЦИК. И рядом рецензия Ключева на спектакль по пьесе Г. Хейерманса “Всех скорбящих” за подписью “Неграмотный”.

“Всех скорбящих” – пьеса, нужная в наши злые дни, она полна чистых слов и прекрасных устремлений”.

Через неделю – новый вопль со страницы “Трудового слова”: “Сдавайте продналог! Спасайте от мук голода своих братьев!”

Тут же – снова Ключев. Заметка без подписи, посвящённая юбилею актёра Н. В. Извольского и заметка “Концерт в Пролетклубе”.

“Будьте здоровы, искренне почитаемый Н. В.! Капля вашей крови горит багряным рубином в сокровищнице русского искусства, сугубо страстного и святого в наши крестные, но и прекрасные дни”.

“Свежие люди, люди из гущи обыденности, всей душой рвущиеся к свету, к красоте. Неловкое положение, неумелая, робкая речь, но за всем этим бьющая буйным ключом молодость – вот это новый, оригинальный концерт. Была прекрасная музыка, ослепительный танец юного Ивана Черняева, в каждом движении которого столько пока неосознанного вкуса, силы и влюблённости. Мы искренне любовались этой неожиданной пламенной Турцией, силой несомненного таланта, перенесённой в нашу серую, дождливую Вытегру. Работайте, товарищи, не унывайте. Пострадайте за искусство, и оно сторицей воздаст вам!”

Кажется, что Ключев, также анонимно публикующий на страницах “Трудового слова” фельетоны о всяческих вытегорских безобразиях вроде ликвидации Олонецкого губернского отдела народного образования или махинаций с мукой, куда подмешивают “хорошую порцию дресвы”, или маслом, что “при выдаче служащим оборотилось в чёртовы потроха”, цепляется из последних сил за то, что может порадовать глаз и согреть душу... Но даже под театральными рецензиями не ставит свою фамилию – дабы не дразнить гусей. Он уже местному начальству – не товарищ. И дурные предчувствия – не оставляют.

* * *

Ещё в июле 1921 года был образован при ВЦИК комитет помощи голодающим под председательством Калинина.

Через 10 дней образуется ещё один комитет помощи голодающим под председательством патриарха Тихона.

14 августа комитет под председательством патриарха был распущен. А через две недели был распущен и комитет, возглавлявшийся Прокоповичем. Кусковой и Кишкиным – старыми социалистами – по обвинению в контрреволюционной деятельности.

2 января 1922 года Лев Троцкий разрабатывает план изъятия церковных ценностей со следующим “железным аргументом”: “...Лучше выручить в этом году 50 млн руб., чем надеяться получить 75 млн на следующий год, ибо на следующий год может произойти мировая пролетарская революция... и тогда денег нигде уже не будет”. Ещё в июне прошлого года на III заседании Коминтерна он же заявлял: “Мы только сейчас видим и чувствуем, что не стоим непосредственно близко к конечной цели, к завоеванию власти в мировом масштабе, мировой революции...” Теперь же цель, кажется, близка. На дворе – новая экономическая политика, та, что “всерьёз и надолго”. Всерьёз и надолго она требует денег. Больших денег. Необходим стартовый капитал

для частного предпринимательства. На международной арене нужно убедить всех в экономической состоятельности новой власти. И это – главная цель.

Клинический прогноз Троцкого станет своего рода дополнительным импульсом для поспешного насильственного ограбления Русской Православной церкви. По сути, это была кульминация религиозной войны, уже четвёртый год бушевавшей на просторах России, войны, сопровождавшейся мощной идеологической кампанией.

Голод в Поволжье, как мнилось, был идеальным поводом для её победоносного завершения.

10 января 1922 года в “Петроградской правде” появилась статья под понижающим заголовком: “Мертвецы зашевелились”. В той атмосфере эту фразу можно было бы воспринять как жуткую фантазмагорию и связать её с новыми картинами чудовищного голода, о котором уже не просто сообщали, нет – его расписывали в самых жутких тонах и красках, как будто реальных ужасов было мало.

Но не об умерших от голода повествовал автор. Совсем о других, “мертвецах”.

“Если кто и виноват в голоде и разрухе России, то это церковно-монархический блок, который в течение веков “опекался” над трудящимися России, принуждая их к смирению, терпению и молитве, и ничего не делал, чтобы улучшить обработку земли и повышать производительность труда в промышленности”.

Это была, что называется, “первая ласточка”. Далее – словно налёт хищной стаи. “Хлеб из золота” – пишет следующий анонимный автор 9 февраля. За хлеб, который можно купить на Западе, нужно платить. Чем? Золотом. Где его взять?

А вот где: “Житейская правда оскорблена. Никола Угодник, Иоанн Воин, Фёдор Стратилат купаются в золоте и роскоши, а Николаи, Иваны, Фёдоры дохнут, как мухи”.

Следующий день. Та же газета. “Золото для спасения голодающих есть: оно – в православных храмах”. И далее – подробное перечисление на вес этого самого золота – в фунтах и пудах.

16 февраля ВЦИК принимает Постановление об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. А через 2 дня будущий обновленческий священник Александр Введенский выступает с обращением под заголовком “Церковь и голод”. И это не плач по умирающим с голоду. Это хорошо отработанная истерика наёмного провокатора.

“С Поволжья приходят кошмарные вести. Жуть охватывает душу: в бедности голода матери убивают детей и пожирают трупы...”

Плачет сердце слезами кровавыми...

Плачет сердце над ними, далёкими, умирающими, забытыми. Кем забытыми? Христианским миром...

Я, христианский священник, бросаю это обвинение всему христианскому миру!”

В тот же день ВЦИК принимает постановление об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим.

Далее – события ускоряют свой бег и, кажется, уже никакая фантазмагория не выдержит сравнения с будничной реальностью. Спустивший с постаментов своего коня и путивший его в галоп по петроградским улицам Пётр I уже никого не удивил бы в те дни. Самая страшная сказка становилась былью.

22 февраля Ленин подписывает секретную директиву о конфискации церковных ценностей и репрессиях против духовенства.

Через 3 дня публикуется декрет об изъятии церковного имущества.

1 марта. Ленин на Всероссийском съезде металлистов призывает учиться торговать и вещать о необходимости “мозги сделать более гибкими и скинуть всякую коммунистическую, вернее, русскую обломовщину...” Оговорка более чем симптоматична. Многие слушатели могли сделать однозначный вывод, что борьба против обломовщины неотделима от борьбы против “русскости”, а что касается коммунизма, то не так уж и много в нём русского начала...

5 марта датируется письмо митрополита Петроградского Вениамина, ксати, олончанина, земляка Клюева. Митрополит писал:

“Вся Русская Православная Церковь по призыву и благословию своего отца, Святейшего патриарха, ещё в августе месяце 1921 года со всем усерди-

ем и готовностью отозвалась на дело помощи голодающим. Начатая в то же время и в Петроградской Церкви работа духовенства и мирян на помощь голодающим была, однако, прервана в самом же начале распоряжением советской власти.

В настоящее время правительством вновь предоставляется Церкви право начать работу в помощь голодающим. Не медля ни одного дня, я, как только появилась возможность работы на голодающих, восстановил деятельность Церковного комитета помощи голодающим деньгами, вещами и продовольствием. Святейший патриарх, кроме того, благословил духовенству и приходским советам с согласия общин верующих принести в жертву голодающим драгоценные церковные вещи, не имеющие служебного употребления.

Однако недавно опубликованный в “Московских известиях” (от 23 февраля) Декрет об изъятии на помощь голодающим церковных ценностей, по-видимому, свидетельствует о том, что приносимые Церковью жертвы признаются недостаточными.

Остановливаясь вниманием на таком предположении, я, как Архипастырь, почитаю священным долгом заявить, что Церковь Православная, следуя заветам Христа Спасителя и примеру великих Святителей, в годину бедствий для спасения от смерти погибающих всегда являла собой образ высокой христианской морали, жертвуя всё своё церковное достояние вплоть до священных сосудов.

Но, отдавая на спасение голодающим самые священные и дорогие для себя, по их достоинству, а не материальному значению, сокровища, Церковь должна иметь уверенность:

- 1) Что все другие средства и способы помощи голодающим исчерпаны.
- 2) Что пожертвованные святыни будут употреблены исключительно на помощь голодающим.
- 3) Что на пожертвование их будет дано благословение и разрешение высшей Церковной власти. . .”

Что могло вызвать чтение этого послания в душах исполнителей директивы о конфискации церковных ценностей, многие из которых воспитывались в “знании”, что Христос — “мамзер” (“незаконнорожденный”), иконы — нечисть, а мощи — мусор?

Только лишь ещё большую жажду разорения храма и убийства тех, кто станет у них на пути.

13 марта патриарх Тихон разъяснил в Послании “Ко всем верным чадам Российской Православной Церкви”, что изъятие не должно касаться священных сосудов и других предметов для богослужебного употребления. Это и в самом деле было для власти покушением на сами основы безбожия, что “свиной хребет о звёзды утренние чешет”, как напишет Ключев 10 лет спустя. Это было воспринято, как новый сигнал к продолжению гражданской войны уже и с тем населением, которое полностью было на стороне большевиков и не отделяло заповедей Революции от заповедей Христа.

И через 2 дня. . .

В Шуе Иваново-Вознесенской губернии была остановлена верующими уездная комиссия по изъятию ценностей. Был вызван отряд красноармейцев, которому противустали мужики с вилами и кольями. Всё закончилось пулемётным расстрелом прихожан и ограблением храма.

Политбюро было ошарашено. Уже три года продолжались убийства священнослужителей, и это считалось в порядке вещей. А здесь огонь пришлось открыть не по “толстопузому попу” и не по “белогвардейцу”. Кажется, чем можно было пронять новую власть? По стране бушевали крестьянские восстания и подавлялись, и снова разгорались с высшей степенью озверения и с одной, и с другой стороны. . . Ко всему можно было бы привыкнуть.

Можно было бы. . . Да при всём том — не привыкалось. Герои “красного террора”, солдатики, стрелявшие в своих же земляков, в неостановимом революционном порыве мечтавшие дойти “хоть до Перу, хоть до Ганга” — долго ещё потом бились в падучей (в прямом и в переносном смысле), продолжали жить с повреждёнными душами и быстро успокаивались, не дожидая своего жизненного срока, либо их у с п о к а и в а л и навсегда где-нибудь в Бутово или в общих могилах при Донском монастыре. . . Так или иначе, Политбюро, не на шутку встревоженное, приняло тогда решение о прекращении дальнейших изъятий церковных ценностей.

Ленин на этом заседании не присутствовал. Узнав о решении, он продиктовал своё знаменитое секретное письмо – инструкцию по уничтожению духовенства.

“Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадёжна и особенно не выгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету”.

И далее – формулируется главная цель: ради чего должна быть произведена эта “операция”. Ни слова в этом письме не сказано о собирании средств ради помощи голодающим. Речь совершенно о другом.

“Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно невыполнимы. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало... Никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне...”

И далее – разъяснение средств к кратчайшему достижению цели:

“Официально выступить с какими-то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, – и никогда и ни в каком случае не должен выступать в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменена. Она нам выгодна, ибо посетит у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретная, противник, конечно, скоро узнает)...

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...”

Нет, что ни говори, человек этот был гениальный. В любой проигрышной ситуации – будь то решение о вооружённом восстании, заключении Брестского мира или войны с религией он находил единственно верное для себя решение. И здесь, как и в случае с вооружённым восстанием: “Сегодня рано, а завтра – поздно”. И здесь, как и с Брестским миром – против Политбюро, – и полная победа над большинством. Формулировки безукоризненны с точки зрения истинне дьявольской логики, средства достижения цели обозначены с предельной чёткостью. А главное – абсолютно точное понимание ситуации и абсолютная решимость в главном вопросе: “Цель оправдывает средства”.

И чрезвычайно интересный нюанс. “Секретная телеграмма” должна стать известной “именно потому, что она секретная”. А это секретное письмо так и осталось секретным. И не помогло никакое выдвижение Калинина на первый план вместо Троцкого, который уже достаточно “засветился”...

А Ленин – так и остался спасителем в глазах миллионных масс. Он им и был в годы гражданской войны. Но на лик спасителя не должно было лечь ни одного тёмного пятна. Все телеграммы и письма с требованиями расстрелов спокойно публиковались в издававшихся и переиздававшихся собраниях сочинений. Но это письмо было спрятано за семью замками.

И ещё кажется, что в этом письме, помимо всего прочего, содержится едва ли не прямой ответ на послание митрополита Вениамина. Во всяком случае, эти два документа словно нарочно ложатся рядом для обозначения жесточайшего бытийного и человеческого контраста.

Теперь расстреливать священнослужителей стали уже не в порядке ожесточённого своеволия против православия, а на основании ленинского письма. И это деяние, кто бы что бы ни думал, не прошло для вождя без последствий.

В том же марте один припадок начинает сменять другой. 25 мая новый приступ (склероз сосудов мозга) привёл к частичной потере речи.

Он ещё успеет, оправляясь от болезни, санкционировать высылку из России двухсот враждебно настроенных против власти интеллигентов (как бы в контраст с расстреливаемыми митрополитами, архимандритами, настоятелями, духовными профессорами, которым никакая высылка не “грозила”). Он ещё успеет отвергнуть сталинский план “автономизации” и обосновать идею создания Союза Советских Социалистических Республик, и это приведёт почти через 70 лет к развалу государства. Он ещё успеет поучаствовать на расстоянии в противостоянии Сталина и Орджоникидзе с одной стороны и грузинских национал-шовинистов с другой, причём обвинит Сталина в великорусском национализме. Он ещё успеет продиктовать серию статей, где предлагал расширить состав ЦК за счёт рабочих и крестьян – что не было выполнено, и текст так называемого “завещания” был препарирован и искажён до такой степени, что историки потом не смогут определить – что здесь от Ленина, а что от его так называемых “преемников”.

* * *

Всё это нарастающей волной дошло до “глухой” Вытегры, которая, якобы, “не слышала урагана”...

Мотив голода в стране и мотив конфискации церковных ценностей сливались в один.

“Трудовое слово” от 22 апреля 1922 года:

“ЦЕННОСТИ – ГОЛОДАЮЩИМ!”

В Уральске скопилось 8000 голодающих детей. Приток бесприютных детей в Уфе ежедневно до 200 человек. В Немкоммуне на Волге насчитывается 26000 детей, не получающих никакого питания. Трупы умерших от голода лежат недели...

В деревнях находят мёртвых матерей, крепко держащих в своих объятьях ещё живых детей. Нансен заявил, что мародёрство и трупоедство принимают массовый характер...

Здесь уже не говорят. Уже не стонут. Тишина кладбища. Жуть одной общей братской могилы. И эти страшные, открытые глаза мертвецов, застывшие с немим укором...

В хлебе спасение Поволжья. **В хлебе** – победа.

Церковь полна серебром и многими ценностями.

Тот, кого называют своим учителем и богом, велел голодного накормить, нищему отдать последнюю рубашку; он не сказал, что сокровища всего мира не стоят души одного умершего человека; а тех, которые строят гробницы пророкам и памятники, очищают внешность чаши и блюда, между тем как оставили главное в законе – милость, и внутри полны хищения и неправды, он назвал – повапленными гробами”.

И тут же – воззвание петроградских священников о помощи голодающим. Имена этих пастырей уже были хорошо известны: обновленцы Введенский, Красницкий и их соратники.

У Клюева была возможность вспомнить, как ещё перед революцией в “Ежемесячном журнале” у Миролюбова появилась заметка Яна Демиховича о Введенском, который тогда неустанно боролся с сектантами. М. Муратов разнёс вдребезги книжку Введенского “Сектанты о сектантах”, изданную в Одессе, а Демихович писал:

“Я посоветовал бы Вам, почтенный пастырь, вместо того, чтобы изыскивать средства для изобличения сектантов, приложить Ваше пастырское старание к очищению церкви Христовой от всего того, что служит причиной отпадения от церкви чад ея”.

Вот Введенский и приложил, наконец, “пастырское старание”.

И это старание не осталось бесплодным. “Я счастлив быть пастырем храма Св. Тихона Амафутского (Арбатская площадь), прихожане которого так горячо откликнулись на мой призыв **снять ризы и лампы и отдать их вместе с лишними сосудами для спасения гибнущих сестёр и братьев, пока ещё не поздно.**

Священник И. Борисов”.

Это – всё в том же “Трудовом слове”.

Тут же сообщение о клюевской сказке, где “крест страданий народных можно нести только миром”. Крест голода. Крест помощи. И – крест поругания веры.

Бог поругаем не бывает. Но надругательства над храмами, святыми мощами и рабами Божьими – тоже нести остаётся только миром. Всем миром.

Он и сам писал о “патриаршей анафеме”, полетевшей “на голову воскресшего Христа-народа”, сам клял её, “обезьязыченную церковь”, “гной и оподление риз Христовых”... Жаждал сошествия распятого народа-Христа с креста, а дождался поругания всего святого.

Что ж он – с обновленцами?

Присматривался к ним внимательно. Пытался понять их жажду. Не чуял и не знал, что “живцы” (как их презрительно называли) в “случке” с карательными органами и действуют по их указке.

Но чем дальше, тем больше виделось ему наступление нового никонианства, петровской поступи, разоряющей монастыри и храмы, чуялся вихрь с Запада, убивающий живую красу.

От этого мёртвого дыхания, от этой поступи – новая “мука лютая”. И страшно вспоминать стало о прежнем уповании: “Чует рабоче-крестьянская власть, что красота спасёт мир”. Тут другое впору вспомнить:

*Мы очнёмся в Красном Содоме,
Где из струн и песен шатры,*

*Где русалкою Саломия
За любовь исходит в плясне...
Обезглавленная Россия
Предстаёт, как поэма, мне.*

“Двенадцать снов царя Мамера” вспомнит Клюев в “Песне о великой матери”. Давно известно ему это сказание, списанное с Кирилло-Белозёрского списка, книга, пришедшая из Сербии, а туда пришедшая из Индии через Иран и Византию, повествующая о снах-загадках царя города Ириин Шахаиши и толкованиях раба-философа Мамера на эти сны. Он сам видит вещицы сны, рассказывает их Коленьке Архипову и сам пытается разгадать их смысл, а мрачные пророчества из “Сказания” не отпускают и мнятся сбывшимися. “И рече Мамер: приидет година тя злая иереи всех начнут учить закону, а сами закона не брегоуще ходят... цари будут борзи и восстанут царь на князя, а князь на царя и крамолу сотворят. И друг другу будет враг и мятежно вельми, и пролиется кровь человеческая. И тогда восплачутся мнозице горько; и восстанет господин на раба и раб на господина, а старцы на старца, а сосед на соседа... судьи неправедные начнут судити по мзде, а не по правде: виноватого оправдают, а правого обвинят...”

О чём это он? О том, как церковь – инструмент государства – была на стороне сильного, а не слабого? И за это – страшное возмездие ей ныне? Или о том, как отшатнулись от церкви толпами, слоями, стали искать “истинного Христа”, впадая в ереси и в полное безбожие? И за это – возмездие им всем?

Сам же был против старой власти — и в тюрьме сидел, и под наблюдением полицейским сколько лет ходил... Дождался — вот оно, счастье народное! Сошло с креста русское слово! Чтобы вновь распятым быть, как Христос, явившийся Петру, когда тот уходил из Рима... “Развенчана мать-красота”... Да не сам ли пророчествовал ещё в 1917-м: “Чашу с кровью всемирным причастьем нам испить до конца суждено”?

Тяжкие думы одолевают, вопрошает-вопрошает — и нет ответа.

... Он уехал в Питер в августе 1922 года, повёз с собой для издания “Мать-Субботу” и макет исправленного, подготовленного к переизданию “Львиного хлеба”.

Он прибыл в Петроград 13 августа, в тот самый день, когда был расстрелян митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин вместе с архимандритом Сергием (Шейным), Юрием Новицким и Иоанном Ковшаровым после почти двухмесячного судебного процесса.

* * *

Он навестил давних знакомых супругов Гариных, оставил в альбоме записи, адресованные и Сергею Александровичу, и Нине Михайловне. Хозяину дома предназначалось: “От олонецкой пестрядиной зари, от родных рябиновых косоогоров, из избы-матери, песни мои преподношу Сергею Александровичу Гарину в память чистых слов о Свете Неприкосновенном, о неопалимой любви и нетленной России”.

Навестил Иванова-Разумника в бывшем Царском, а ныне — Детском селе на Колпинской улице. В компании созданных гостей читал “Мать-Субботу” и, видимо, столкнулся с такой реакцией, что потом, в другом месте при других людях вспомнил и произнёс: “Все змии собрались”.

Да и Разумник, ещё недавно разливавшийся восторгами по поводу “Четвёртого Рима”, судя по всему, поэму не принял. Во всяком случае, нигде и никогда о ней не упоминал.

А Клюев потом пришёл в Вольную философскую ассоциацию на вечер произведений Блока. Там и познакомился с тем, кто стал его добрым знакомым в течение последующих лет — литературоведом Павлом Медведевым.

Это уже не “змий”. Этот — понимающий, восторженный, слушающий внимательно.

А сам Медведев тогда же записал своё первое впечатление от Клюева:

“... Невысокого росту, довольно крупная голова, широкий овал лица, умный, крутой лоб, “медвежье солнце в зрачках” — солнце и скорбь, волосы — русые, жидкие, в скобку, богомольные руки, здороваются — ладонь ковшиком, ситцевая русская рубашка — синяя с горошком, штаны в голенище, смазные сапоги без скрипа, поверх — зипун и широкополая шляпа. Общий вид — благообразный, благолепный, тихий, скромный, прислушивающийся; в голосе — мягком, приятном, тенорового тембра заметный местный акцент.

Понравился. Говорит изнутри. Внутренним слухом силён. Умён, но, кажется, и хитёр. Есть что-то от начётчиков...

Дважды читал... “Мать-Субботу”. Читает очень своеобразно, совершенно неповторимо и для стиля его музыки — прекрасно. Читая, порою плачет. У него вообще “слёзный дар” Только слушая Кл., чувствуешь всю органичность его поэзии, глубину её. В интимной беседе говорит много, умно, ярко, откровенно”.

А Клюев говорил Медведеву, что любит слова “мягкие, росные, внутренним сцепленьем взятые, внутренним громом рождённые...”. Говорил, что “нужно быть верным Рублёвскому письму”... Рассказывал о деде, который “всю жизнь медведя водил и песни пел”, о матери, что 30 000 гнёзд народных песен знала... Хорошо говорил о поэзии Клычкова и Николая Тихонова. Пастернак, по его мнению, “с ватерпасом в брюхе”. А Князев — вообще дурак.

Поделился и своей нуждой. Кроме устройства книг приехал продавать сервиз с беломорским жемчугом и кресты серебряные, дониконовские.

“От дедов святое — от великого горя взято...”

Недолго пробыл Николай в Петрограде. В день отъезда он пришёл ещё раз в “Вольфилу” на очередной вечер памяти Блока, где Иванов-Разумник читал отрывки из “блоковского дневника” Андрея Белого, пребывавшего в это

время в Берлине. Со смешанным чувством собравшиеся слушали, с неуютом, с тревогой неявленной.

“Соня Каплун мне сейчас рассказала про один разговор её с А. А. Блоком о “Двенадцати”. Она: “В Киеве считают вас в “РКП”? Блок: “Как, неужели меня считают коммунистом?” (Сказал с мрачной горестью). Она: “Нет, я вовсе не вижу в “Двенадцати” никакой партийности и менее всего коммунизма, но я вижу октябрь”. Блок: “Как я рад, что, наконец, это начинают понимать!” Блок до конца остался при “Двенадцати”, но никогда ничего общего не имел с коммунизмом.

Р(азумник) В(асильевич) рассказал мне, что он не любил “Скифов”. После того, как Р(азумник) В(асильевич) провёл параллель между “Скифами” и “О чём шумите вы, народные витии”, – Блок сказал, что он теперь понимает, почему он холоден к “Скифам”: у Пушкина он холодно отмечает “О чём шумите вы” и наоборот – очень любит “Медного всадника”. В его “Дневнике” о “Двенадцати” сказано, что да – там есть капля политики; есть ли эта капля яд, отравляющий “Двенадцать”, или нет, это покажет будущее...”.

Выступали Владимир Гиппиус, Княжнин... “Вчера заседание Вольфилы началось в 3 1/2, кончилось в 8 1/2 ч. в(ечера), – писал Иванов-Разумник Константину Эрбергу. – Было очень хорошо. Публики большой зал – все сидели, не шелохнувшись до самого конца...”

Выступал ли Ключев? Безусловно, он был оповещён и специально приглашён Ивановым-Разумником, и дал согласие, и имя его стояло в афише. Но кроме имени ничего неизвестно ни о его выступлении, ни о том, были ли вообще оглашены им какие-либо воспоминания о Блоке. Едва ли слушая Белого в исполнении Разумника, он дал себе волю делиться какими-либо воспоминаниями, хотя много что мог бы рассказать. Но – перед кем? “Змии все кругом”.

Через Петрозаводск он добрался до родной и становившейся всё более чужой и чуждой ему Вытегры. Наслушался о своей поэзии, о своих новых вещах в это посещение бывшей столицы. Наслушался – и делился теперь заветным с Коленькой Архиповым:

– Разные учёные люди читают мои стихи и сами себе не верят. Эта проклятая порода никогда не примирится с тем, что человек, не прокипячённый в их ретортах, может быть истинным художником. Только тогда, когда он будет в могилке, польются крокодиловы слезы и печати, и общества; а до тех пор доброго слова такому, как я, художнику, ждать нечего. Скорее, наши критики напишут целые книги про какого-нибудь Нельдихена или Адамовича, а написать про меня у них не поднимется рука. Всякому понятно, что всё то, чем они гордятся, самое их потаённое, давно уже проглочено и оставлено позади себя. Сказать про это вслух нашим умникам просто опасно: это, значит, похерить самих себя, остаться пустыми бочками, от которых по мостовой шум и гром, а доброго вина ни капли.

Говорил без злорадства, без раздражения, с тихой печалью, как о чём-то давно понятом про себя самого.

Вспомнил блоковский вечер. И как-то само произнеслось с раскавыченной блоковской строкой:

– Не хочу быть литератором, только слов кощунственным творцом. Избави меня Бог от модной литературщины! То, что я пишу, это не литература, как её понимают обычно.

Белый, некогда близкий и пытливый собеседник, стал теперь совершенно чужим.

– Наша интеллигенция до сих пор совершенно не умела говорить по-русски; и любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем “Пепел” Андрея Белого”.

...Стол в горнице, простая небогатая трапеза. Они вдвоём сидят под китом, под Спасом донионовского письма, неторопливо вечеряют, душевно беседуют, словно чувствуя, что недолго осталось.

Тогда же и написались стихи другу, печальные стихи, в которых кроме Николая Архипова – его одиннадцатилетний сын Илья. И Ключев обращается к другу:

*Не ласкай своего Ильюшу
Под рябиновый листопад.
Не закликать зяблика-душу
В сырой обглоданный сад.*
.....

*Овдовеет диван семейный
Без стихов, без гостя в углу,
И ресницею златовойной
Не разбудит лампадка мглу.*

*Чёрный ангел станет у двери
С рогатым тяжёлым ковшом,
Чтоб того, кто любви не верил,
Напоить смердящим вином...*

Печаль от кратковременности счастья, от ощущения быстротекущей жизни оборачивается ужасом от пришедшего видения. Ничего не мог в точности знать Клюев наперёд, но как прозрел внутренним взором “чёрного ангела” у двери друга, не верящего любви...

Уже в 1937 году, обороняясь от наветов, в предчувствии ареста Николай Архипов напишет письмо В. Бонч-Бруевичу, оправдываясь в своём знакомстве с Клюевым, который, погибавший в Томске, воспринимался уже буквально как прокажённый. И вот что писал Архипов:

“С поэтом Клюевым я познакомился в 1918 г. в бытность мою в Вытегре (бывш. Олонецкой губернии). Я ещё в университетские годы занимался вопросами искусства и на этой почве, в обстановке уездной глуши, произошло моё сближение с поэтом Клюевым. Писал он в те годы (я полагаю, под моим влиянием) много революционных стихов и гимнов, но позднее, после переезда в Ленинград, когда мы оказались разобщёнными (я работал в Петергофе), он попал под чуждые влияния, и наши отношения вступили в полосу охлаждения и окончательно порвались с переездом Клюева в Москву... Знаю, что позднее он был выслан из Москвы в Сибирь, но за что и где находится в настоящее время — мне неизвестно. Моего знакомства с ним я скрывать не имел основания, и в 1930 г. я давал сведения в Ленинградское отделение НКВД о его творческой работе и окружающей его среде...”

К оперативным материалам на Клюева у нас доступа нет, и что это были за донесения Архипова — неизвестно.

*...Чтоб того, кто в ржаных просонках
Не прозрел Господних чудес,
Укачал в кровавых пелёнках
С головою ослиной бес:*

*“Баю-бай, найдёныш любимый,
Не за твой ли стыд и кураж
Ворота Четвёртого Рима
Затворил белокрылый страж?”*

“Чёрный ангел” скоро навестил и Клюева. В июне 1923 года поэт был арестован в Вытегре. “Дело”, заведённое на него, нам неизвестно, но нетрудно предположить, что оно напрямую связано с изъятием церковных ценностей, тех, которые Николай пытался, по-возможности, спасти из разоряемых церквей... Обвиняли его в воровстве? В утайке золота и серебра от голодающих крестьян? Или обвинение было куда более серьёзным?

Так или иначе, но Клюев был препровождён в Петроград на знаменитую Гороховую улицу, мелькнувшую когда-то у него в “ленинском” цикле в соединении с любимой птицей Максима Горького.

*Чу! Кричит буревестник... К Гороховой, 2
Душегубных пучин докатилась молва.*

Докатилась...

(Продолжение следует)